

**ВЕРБНОЕ
ВОСКРЕСЕНЬЕ**

В церкви полагается думать о вечном, только в тот день как-то это плохо получалось. Я тогда еще не знал, что земля вот-вот разверзнется у меня под ногами, но она уже предательски дрогнула.

Вообще-то я люблю наш собор Святого Патрика, зажатый между 5-й и Мэдисон-авеню давно переросшими его зданиями. Снаружи ты видишь только псевдоготический новодел. Однако внутри собор легкий, залитый мягким светом, и, несмотря на лаконизм декора, я иногда даже забываю, что я в Нью-Йорке, а не в Старом Свете. Ну, когда не смотрю на галерею, с которой и здесь по праздникам свисают звездно-полосатые полотнища.

Сидящие справа от меня Джессика и Бобби встали, и я поднялся вслед за ними. Все вокруг встали.

— Господи Иисусе Христе, — мягким, проникновенным, как это принято у католиков, голосом говорил, если не ошибаюсь, сам архиепископ. В честь праздника служил он и еще человек двадцать клириков. — Ты сказал апостолам Своим: мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам.

Мир! Мир-то да, то есть весь свет. Только мира в нем для меня больше нет. Дернуло же меня перед уходом проверить почту в своем айфоне. Что за сюрприз мне уготован? В том, что будущее не предвещает ничего хорошего, уверенность была полная.

— Аминь, — произнес я вместе со всеми, когда священник, соединив руки, закончил молитву.

Как же мне теперь улизнуть? Мы собирались после мессы пойти всем семейством поесть суши в японском ресторане на 49-й улице. Но растягивать пытку мне не хотелось.

— Мир Господа нашего да пребудет с вами.

Священник говорил в микрофон, и казалось, что он беседует один на один с каждым из прихожан. Только не все его слышали.

— И со духом твоим, — на автомате вместе с другими откликнулся я.

— Приветствуйте друг друга с миром и любовью.

Джессика потянулась ко мне с такой нежностью, что я даже забыл о своих тревогах. «Господи, за что ты наградил меня?» — в тысячный, в стотысячный раз удивился я, целуя ее щеки в россыпи веснушек. И Бобби, мой маленький мальчик Бобби, который в этом году окончит университет, с улыбкой потерся о мою щеку своей небритой.

Я так и не придумал, под каким предлогом мне смыться, но меня выручил сын.

— Слушайте, народ, — смущенно сказал он, когда мы вместе с толпой вышли на улицу через тяжелые бронзовые двери. — Может, мы лучше поужинаем вместе? Мне бы сейчас хорошо отойти на пару часов.

— Если тебе предстоит что-то приятное, — тут же, хотя и с условием, согласилась Джессика. — Но если ты просто-напросто собираешься в библиотеку, почему не сделать это после обеда?

Бобби посмотрел на меня: в его планы явно не входило обложиться книгами. Я бросился на выручку сыну:

— Я плохо понимаю, что же такого неприятного может ждать человека в библиотеке. Но в принципе я тоже за ужин. Я бы как раз перехватил Пола Черника.

Пол — давно уже наш друг, но и по-прежнему партнер. Он страхует ненормальных дельтапланеристов, сёрфингистов, скалолазов, спелеологов, дайверов и прочих экстремалов, которых мое туристическое агентство рассылает по всему миру в поисках ощущения настоящей жизни. Пол недавно развелся и, вместо того чтобы наслаждаться неожиданным даром свободы, часто работает в своем офисе по выходным. Он так борется с переживаниями. К тому же он иудей, и Вход Господень в Иерусалим к числу его праздников не относится.

— Если совсем честно, — призналась Джессика, — меня это тоже устраивает. Мне нужно дочитать рукопись, а семейные обеды так расхолаживают.

Джессика работает редактором в крупном издательстве, выпускающем в том числе воспоминания бывших шпионов. Я их тоже с удовольствием почитываю, оправдывая тем самым перед знакомыми свои познания в отдельной области человеческой суеты. Работает моя жена почти исключительно дома, но по утрам. Ее созидательной энергии хватает до обеда, потом она ходит по музеям и художественным галереям, встречается с подругами или занимается домашними делами.

— Ничего, что добрые христиане собираются работать в воскресенье, тем более Вербное?

Это во мне говорит моя профессиональная извращенность. Я уже понял, что все для меня складывается как нельзя более удачно и врать дальше не придется, поэтому делаю вид, что не очень-то и рад, что обед не состоится.

— А кто сказал, что я собираюсь работать?

Бобби чмокнул мать в щеку, хлопнул меня по спине и, пока мы не передумали, был таков. Он в наших поездках по Европе пристрастился к скутерам, мода на которые в Штаты так и не пришла. Так что теперь, куда бы он ни направлялся, у него на согнутой руке всегда висит черно-серый шлем. Вот он освободил своего боевого коня, прикованного за колесо к чугунной решетке, скрыл голову под своей защитной скорлупой и, отъезжая, махнул нам рукой. Джессика укоризненно покачала головой: ей кажется, что вести скутер одной рукой на скорости десять километров в час — безумное лихачество.

Мы с ней приехали на такси — единственно возможном виде транспорта на поверхности Манхэттена, не считая роликовых коньков. Метро моя жена не любит: там мрачно, шумно и всюду липкие поверхности. Обняв Джессику, я довел ее до Мэдисон-авеню и, поцеловав, доверил таксисту-сикху с седой бородой и в зеленой чалме.

А сам повернул на юг, к Центральному вокзалу. Я прошел несколько кварталов, избегая отели и всякие «Старбакс кафе», где вайфай есть, но заходить в интернет нужно будет со своего смартфона. Что я, естественно, и без вайфая могу сделать, по 3G, но мне важно как раз использовать чужой вход в сеть. Наконец, уже перед самым вокзалом, я нашел в боковой улочке то, что нужно. Это была обычная «дели», то есть бакалейная лавка, с кофемашиной и парой компьютеров. Я взял себе эспрессо, заплатил за пятнадцать минут соединения и взгромоздился на высокий стул лицом к улице. Четверти часа для плохих известий обычно хватает.

В девять утра, пока Джессика примеряла строгую одежду, чтобы пойти в церковь, я залез в свой айфон, проверяя почту. У меня два личных аккаунта в разных сетях, а также служебный почтовый ящик, куда поступают сообщения для нашего турагентства. Сюда-то и пришла рекламная рассылка новой одежды по каталогу Quelle. Фирма это немецкая, в Штатах малоизвестная, так что такое сообщение незамеченным не пройдет. С другой стороны, речь идет об официальном, очень известном в Европе бренде, потому и подозрений такая рассылка не вызовет. Как она пробирается через спам-фильтры, не знаю, но умельцев в Лесу хватает. Для кого угодно другое появление такой рекламы выглядит как спам особой проникающей способности, но только не для меня. По нашему с Конторой протоколу это сигнал SOS, сообщающий о возникшей для меня серьезной опасности.

То была стандартная рассылка Quelle, без каких-либо скрытых сообщений. Я ее как получил на айфон, так тут же и удалил. Теперь я с компьютера той бакалейной лавки залез в «Пикасу», гугловское приложение обмена фотографиями по интернету. Интересующие меня альбомы с доступом, открытым для всех, периодически меняются: сейчас на очереди был фотоотчет о путешествии по Германии некоего или некой

elf89. Что за эльф, определить не удалось бы никому, так как на своих фотографиях путешественник или путешественница из волшебных сказок не появлялись ни разу. Зато среди снимков площадей, соборов, фонтанов, шарманщиков и девочек с воздушными шариками был один, только один, с собакой — симпатичным ньюфаундлендом с газетой в зубах. Он-то мне и был нужен.

Я подсоединил к компьютеру айфон и закачал фотографию себе. Так, на всякий случай вернемся и удостоверимся, что она со страницы «Пикасы» исчезла. Исчезла, умница собачка! Теперь мне нужен был разовый пароль. Этот или эта elf89 подписывал(а), в каком из немецких городов была сделана та или иная фотография. Лишь один из них был обозначен, якобы по недосмотру, с маленькой буквы: bremen. Теперь осталась ерунда: открыть фотографию в специальной программе на моем айфоне и набрать название города в графе «пароль». Фотография исчезла, и в новом окне открылся текст, вписанный в нее совершенно незаметным образом. Фантастика? Ничуть! Теперь такая шпионская технология доступна всем обладателям гаджетов, такие приложения чуть ли не бесплатные. Вы даже другую фотографию можете спрятать таким образом, хоть план ядерного нападения, никто из посторонних ее не раскроет.

Только текст, предназначенный мне, прочесть сможет не каждый. Он состоит из непонятных сочетаний букв, цифр и знаков препинания. Я скопировал его и открыл в другой программе на айфоне. Она тоже выглядит как стандартная любительская, но над ней мои продвинутые коллеги из Конторы хорошо поработали. Чужой человек ее и не запустит — она тут же слетит, как это бывает на яблочных девайсах. А мне — пожалуйста — послушно открылась.

Все подобные меры предосторожности всегда казались мне чрезмерными. Но не сегодня. Потому что текст сообщения, из соображений той же конспирации написанного на английском языке, был такой: «Атлет бежал в Англию. Помнит тебя по 1999 году. План Б. Э.».

Я ведь ждал, что земля уйдет у меня из-под ног. Что я могу провалиться по колено, по грудь, пусть даже по макушку. Но так? Хуже не могло быть ничего. Ну, хуже был бы план А. Он означал бы, что мой провал уже совершился и прямо отсюда, не заходя домой, я должен был укрыться на конспиративной квартире в Челси. И сидеть там пару месяцев, пока все не поутихнет и меня можно будет попытаться вывезти из страны с новой внешностью и новым паспортом через Канаду или Мексику.

Напиши Эсквайр, «Э.», как он подписывает сообщения, просто «Атлет», я бы еще повспоминал, кто это. Но мой предусмотрительный куратор в Конторе дал и две подсказки: Англия и 1999 год. Такое не забудешь: мы с моим другом Лешкой Кудиновым имели все шансы там и остаться — в той стране и в том году. А мне к тому же этот Атлет несомненно и однозначно спас жизнь.

Так что имя его мне вспоминать не надо — Володя Мохов. В сентябре 1999-го, накануне второй войны в Чечне, он работал в Лондоне под прикрытием «Аэрофлота» и был подключен к операции, которую мы проводили там с Кудиновым. На вопрос, что за человек такой-то или такой-то за человек, люди, как правило, отвечают банальностью. Типа «хороший парень». И я бы про Мохова так и сказал. Лишним культурным багажом не обременен, но неглупый и по-человечески симпатичный. Да и профессионал грамотный:

толковый, не ленивый, смелый. В смысле, что смог рискнуть жизнью, хотя с начальством, насколько я помнил, спорить не любил. Однако в Конторе порядки же военные, не зря сотрудникам звания дают.

И вот, получается, хороший парень переметнулся. Как, почему — уже второй вопрос. Важно, что он теперь начнет сдавать с потрохами всех, кого знает. А меня ему тоже вспоминать не надо. Что ему известно? Конечно, доступа к моему оперативному досье в Лесу он иметь не мог, так что предоставить МИ-5 или ФБР, например, мои условия связи он не в состоянии. Да и тогда, в Лондоне, я выступал как Майкл, Миша. Однако — это быстро стало ясно — он знал, что я давно живу в Штатах. Не исключено даже, поскольку мы общались достаточно тесно, что в каком-то разговоре проскочил и Нью-Йорк, и то, что у меня турагентство. Я, разумеется, слежу, чтобы не сообщать о себе посторонним никаких подробностей. Но мы же при Мохове с Лешкой часто трепались, так что теперь трудно сказать, какие еще детали обо мне он мог запомнить. И он без труда узнает меня по фотографии.

Однако почему я решил, что он только сейчас начнет сдавать своих бывших коллег? Кто знает, возможно, он завербован уже давным-давно. Он мог передать все известные ему данные на меня много лет назад, и мое досье лежит сейчас в чьем-то сейфе в нью-йоркском офисе ФБР. И каждый мой шаг вносится в то же досье благодаря уличным видеокамерам, которыми утыкан весь Манхэттен, и благодаря содействию оператора мобильной связи, отслеживающего перемещения моего телефона. Не говоря уже о банковских выписках по операциям с моих кредитных карт, о пограничных службах разных стран и о спутниках, распознающих арендованную машину в любой части света. Если

меня до сих пор не арестовали, это не значит, что меня не раскрыли. Вполне возможно, ФБР хочет сначала установить все мои связи, а потом взять с поличным на тайной операции. Но контрразведчики понимают, что теперь, когда «крот» по фамилии Мохов ушел на Запад, меня немедленно предупредят и тянуть с арестом уже не будет смысла. Меня могут взять прямо здесь, вон те два латиноса в дурацких цветастых бермудах — ведь только в кино агенты ФБР ходят в строгих костюмах с белой рубашкой и галстуком.

Компьютер сообщил, что оплаченное мной время истекает. Я поспешно залез в систему и очистил кеш-память, чтобы никто не смог посмотреть, на какие сайты я заходил. Потом сунул айфон в карман и вышел в солнечный апрельский день.

Я никогда не паникую. Тут нет моей личной заслуги или успешного прохождения специального тренинга. Это свойство нервной ткани, полученной мной по цепочке генов от своих родителей и предков. Хотя, возможно, что и моя приверженность множеству философских учений от Будды до Шопенгауэра воспитала во мне отстраненность, которая позволяет разуму работать в штатном режиме.

Первое обстоятельство. Если меня уже пасут, нельзя проявлять нервозность. У наружников из ФБР может быть конкретное указание немедленно задержать меня, если я замечу хвост. Более того, я не знаю, какими силами ведется наблюдение, и неизвестно, мыслимо ли вообще от него уйти. Засечь топтунов я могу и не выдавая себя. А если не делать резких движений, какое-то время после задержания можно поиграть в оскорбленную невинность. В конце концов, у ФБР не обязательно будут против меня неопровержимые улики.

Второе. План А вводится в действие, когда есть уверенность или по крайней мере очень серьезные подозрения, что меня сдали. Эсквайр же пишет о плане Б. Он предусматривает мой самостоятельный выезд из страны, не исключающий возвращения в нее. То есть мне предстоит придумать предлог, позволяющий оставить дом и работу на какое-то время, пока ситуация не прояснится. Однако до тех пор я должен быть вне досягаемости для ФБР. Теоретически можно переждать в Никарагуа, Венесуэле, Китае или другой стране, где выкрасть меня не удастся. Однако мне лучше всего окольными путями добраться до Москвы. Только на родине я буду в полной безопасности. Ужас в том, что, если ситуация не нормализуется, мне придется остаться там навсегда.

С сыном я не думаю, что мы потеряемся по жизни. Да и моя любимая теща Пэгги, мне кажется, от меня не откажется. А вот Джессика... Это ведь ее безоглядное доверие я предавал и предаю каждый день. Она с открытым сердцем приняла кубинского диссидента, захочет ли она принять русского шпиона? Человека, кто врал ей двадцать с лишним лет, который построил на лжи всю нашу совместную жизнь? Вопрос даже не в том, готова ли она в случае моего провала все бросить и приехать жить в Москву. Сможет ли она меня простить? Нет, такие мысли лучше гнать из головы!

Однако был вариант и похуже — американская тюрьма, возможно пожизненно. Конечно, если меня арестуют, главный вопрос снимается — Джессика узнает. И тогда семью я могу потерять с тем же успехом, только уже вместе со свободой. Так что на самом деле выбора у меня не было. Если такая возможность еще существовала, мне надо было срочно выбираться из страны.

От Центрального вокзала до нашего дома в Верхнем Ист-Сайде, на 86-й улице, пешком идти меньше часа. Столько же времени понадобилось мне, чтобы выработать план действий.

Самый важный на тот момент из наших клиентов сейчас отдыхал в Англии. Человека звали Спиридон Каппос. Это был греческий магнат лет сорока пяти, который получил в наследство целый торговый флот, плавающий под дюжиной флагов. Он еще в молодости влюбился в Нью-Йорк и поселился здесь, какими-то простыми для сильных мира сего путями получив американский паспорт, оставаясь гражданином Греции. Мы познакомились с ним по цепочке через старых клиентов лет пять назад, и теперь он хотя бы раз в году непременно отправлялся по составленному для него индивидуальному туру через наше агентство Departures Unlimited.

Спиридон — я с ним однажды даже сам ездил по Италии — был неумным, почти одержимым меломаном. Он в молодости оканчивал дирижерский факультет в Берлинской консерватории, когда на него свалилось наследство — не только огромное состояние, но и связанная с ним ответственность. Однако музыка осталась страстью его жизни. Сейчас он поехал в Соединенное Королевство, чтобы — помимо ежевечерней

оперы или филармонического концерта — посетить там все места, связанные с Пёрселлом, Генделем, «лондонским» Бахом (Иоганном Кристианом), маленьким Моцартом, Гайдном и с современными композиторами, часть из которых я даже не знаю по имени. С большим отрывом от настоящей страсти шла и некоторая слабость Спиридона, во всех прочих отношениях чрезвычайно прагматичного, даже циничного бизнесмена. Мы всегда заказываем билеты и отели на него и еще трех милейших девушек, чей состав — но не количество — меняется на каждой поездке. Скорее даже, гораздо чаще — просто мы сталкиваемся с данным фактом раз в год.

— Это не потому, что я любитель оргий, — сказал мне как-то неумный грек. — Просто иначе невозможно. У всех эскортниц любимый фильм — «Красотка». Если ты берешь с собой в поездку одну девушку, на второй — на третий день у нее так или иначе появляются насчет тебя всякие мысли. Две девушки — еще хуже. Они становятся соперницами, каждая думает, что у другой уж точно что-то получается в желаемом направлении. А когда их три, ни одна ни на что не надеется и в нашей компании всегда царит полная гармония.

Однако для Спиридона эта сторона поездок абсолютно вторична — он ведь к тому же не женат, ему, чтобы оторваться, не нужно уезжать из дома. Да и для нашего агентства, будь так со всеми клиентами, подобные холостяцкие путешествия приводили бы скорее к репутационным потерям. Потому что мы готовим туры преимущественно для женатых пар с явно выраженными культурными запросами. В поездках их сопровождают лишь самые авторитетные специалисты в той или иной области. А Спиридон безусловно попадал

в категорию фанатов. В Англии его водил Джеймс Литтон, выдающийся музыковед, автор ряда монографий по композиторам позднего барокко и, точно не помню, вице-председатель или почетный секретарь Общества друзей церкви Святого Мартина в полях, этой музыкальной Мекки британской столицы.

Так вот, придумал я для Джессики, Литтон неожиданно загремел в больницу с подозрением на желчно-каменную болезнь. Нужно было срочно подыскать ему достойную замену, а пока предложить свою не столь же компетентную, но по крайней мере не менее увлеченную музыкой компанию. Элис, свою восхитительную некогда помощницу, а теперь уже и младшего партнера, послать на выручку я не мог — она любит блюз и регги. А мы держимся за каждого своего клиента, даже если он не так неприлично богат, как Спиридон. Поэтому моя жена не удивится, если я самолично и срочно полечу закрывать брешь.

Джессика не удивилась. У нас ведь вообще идеальный брак. Мы живем так, как дышится, зная, что другой тебя во всем поддержит.

— Солнышко, а почему бы тебе тоже не отдохнуть там несколько дней? — предложила она. — Ну, я не могу утверждать про Бриттена и Хиндемита, но Генделя ты же любишь? И Моцарта. И в Ковент-Гарденходишь.

— Так, может, и тебе со мной полететь?

Это опять вылезает наружу подлость моей — не натуры, ситуации. Я прекрасно знаю, что Джессика, с тех пор как Бобби стал взрослым, ни за что не оставит его одного. Раньше, маленького, она еще могла отвезти на несколько дней к своей матери в Хайаннис-Порт. Но сейчас Бобби в университете, с занятий его

не сорвешь, а предоставить любимого сыночка самому себе она не захочет. Бобби как раз очень славный мальчик, проблем с ним не было даже в возрасте подростковых бунтов. Но материнскому сердцу надо тревожиться, Джессикиному сердцу по крайней мере. А мне приходится предложить ей поехать со мной, потому что при наших отношениях иначе было бы странно.

Джессика на секунду задумывается. Зная ее, как знаю ее я, она вспомнила о трех супермоделях, сопровождающих Спиридона во всех его поездках. Но сомнения длится ровно секунду.

— Да нет, куда я поеду? У Бобби экзамены на носу.

Я вздыхаю, на сей раз искренне:

— Мы хотели пойти поужинать вместе.

— А тебе что, прямо сейчас надо лететь?

— Чем раньше, тем лучше.

Джессика подходит и целует меня в губы. У нее — не знаю, объяснимо ли это научно, — в любое время года дыхание пахнет малиной.

— Тогда поезжай. Не думай ни о чем.

Я не зря занимаюсь туристическим бизнесом. Все интернетовские формы у меня заранее заполнены, и купить билет на ближайший рейс в Лондон заняло три минуты — десяток кликов мыши. До приезда такси у меня едва было время закинуть в чемодан вещи — мой самолет взлетал через три часа из Кеннеди.

— Ты вернешься на Пасху? — спросила Джессика, наблюдающая за моими лихорадочными сборами.

Джессика — искренне верующая католичка, для нее такие вещи важны.

— Конечно. Может, даже раньше.

— Приезжай на Пасху, — великодушно сказала она.

То есть не спеши, проветришь, только к вечеру субботы будь снова дома. А у меня сжалось сердце: вот мы сейчас попрощаемся в спешке, и, возможно, я ее больше никогда не увижу.

Я действительно летел в Хитроу. Я знаю, знаю — Мохов бежал как раз в Англию, и, получается, я сам совал голову в пасть льву. Однако по здравом размышлении это показалось мне не более рискованным, чем бегство через любую другую страну.

Во-первых, если Мохов сдал меня давно, ФБР, чтобы я не исчез, был смысл арестовать меня еще в нью-йоркском аэропорту. В последний раз я выезжал из Штатов пару месяцев назад — проверить маршрут гонок на снегоходах через всю Гренландию. Мы хотим организовать грандиозное международное соревнование, и моя помощница Элис работает над этим проектом уже несколько месяцев. Так вот — никаких загвоздок: я тогда и беспрепятственно выехал из страны, и столь же прекрасно въехал обратно. Да и пару часов назад преспокойнейше прошел паспортный контроль в Кеннеди, подтвердив тем самым правильность своей теории. Похоже, Мохов работает на МИ-5 или МИ-6 совсем недавно. А может, и вообще не работал раньше — копил материал.

Тогда — во-вторых — я, конечно же, не в первом эшелоне. Коллег из английской контрразведки в первую очередь будут интересовать наши источники внутри самой МИ-5, внутри их разведки, МИ-6, в британских правительственных учреждениях, крупных

военных корпорациях... И у Мохова хватит ума не сдавать всех, кого он знает, скопом, а растянуть процесс потребности в нем на месяцы и годы.

Штаты пойдут вторым эшелonom. Как говорил мне в последний раз, когда я был в Москве, Эсквайр, кузены-англосаксы по-прежнему обмениваются информацией достаточно активно. Американцы пойдут допрашивать по аналогичному списку, начиная со спецслужб. Ну уж в Штатах-то я вообще не мог засветиться.

Не помню, упоминал я или нет, я со своим куратором с самого начала условился, что против страны пребывания я не работаю. Не потому, что в Америке все замечательно, что мы с ней друзья и Контору она интересовать перестала. Просто иначе я не смогу бороться с сознательной шизофренией, с которой я и так-то едва справляюсь. Ведь работать против Штатов — это работать, в том числе против Джессики, Бобби, Пэгги, против моей помощницы Элис, ставшей чуть ли не нашей общей подругой. Вот я добыл какой-то американский военный секрет. Передавая его Конторе, я делаю более уязвимыми всех своих близких здесь. Погибни, не дай бог, кто-то из них в противостоянии с Россией, я буду соучастником убийства своей семьи. Нет, я готов ринуться в любую точку земного шара, подключиться к самой рискованной операции, но не в Штатах, не против страны, где я пустил корни. Таким было мое условие, и Эсквайр принял его без обсуждения и споров.

Так вот, уговаривал себя я, за опознание таких, как я, Мохова усадят, когда все сливки уже будут сняты. Несколько недель, может быть месяц, в запасе у меня были.

Была еще одна причина, по которой я летел через Англию — и это не глупо и не смешно. Я уже говорил,

я предпочел бы, чтобы меня раскрыла скорее чья-либо контрразведка, но не Джессика. А со Спиридоном она была едва знакома, и то, что его многоуважаемый гид никогда не был болен желтухой или чем-то там еще, вряд ли рискует когда-нибудь всплыть при встрече. И Спиридон действительно был одним из тех клиентов, ради которого стоило лететь через океан, бросив все дела.

Короче, и когда днем я шел по солнечной стороне Мэдисон-авеню к себе домой, и теперь, в самолете, Англия казалась мне вполне приемлемой первой остановкой, позволяющей лететь дальше с другим паспортом. На случай провала меня всегда ждала небольшая конспиративная вилла на Кипре, квартира в Мадриде, квартира в Париже, квартира в Вене. Мне есть где укрыться в надежном месте и в Лондоне, только я не собирался прятаться. Опасности нужно смотреть в лицо, иначе получишь удар в спину. А потому мне нужно было срочно встретиться с Эсквайром.

Мой куратор — я про себя зову его Бородавочником, хотя двух рядов коротких кривых клыков у него нет, — из Москвы уезжает редко. Отдыхает он исключительно в нечерноземных областях родной страны — из-за начинающего шалить сердца и нежелания удаляться от места работы. Даже в Кисловодск не ездит по тем же причинам. За границей я видел его лишь однажды — он вдруг сам прилетел в Париж на мой сигнал SOS. Он тогда подверг меня, как выяснилось, несоразмерному риску и, видимо, терзался совестью. Так или иначе, поговорить с ним можно было только в Москве.

Я поостерегся отправить Эсквайру ответное сообщение. Ну, что предупреждение я получил, уже покинул Штаты и собираюсь с ним встретиться. Я не уверен, но мне кажется, что сейчас уже можно дистанционно

проследить, на какой сайт вы заходите со своего компьютера, какую страницу открываете, какое сообщение пишете. Надо будет уточнить в Лесу, какие еще стороны приватной жизни уже сведены на нет техническим прогрессом. И с нашим человеком в Лондоне я не связывался — на случай, если меня прослушивали. Но, чтобы попасть в Москву, мне нужно было, чтобы кто-то подвез мне в Хитроу паспорт на другое имя и прочие документы, без которых вы, строго говоря, не существуете. Есть несколько городов, где на меня хранится запасной набор, Лондон — один из них.

В Хитроу я прилечу по местному времени в начале шестого утра. По имевшемуся у меня телефону экстренной связи наверняка кто-то дежурит круглые сутки. Но пока этот человек заберет мой новый паспорт из сейфа, пока доедет до аэропорта, будет в лучшем случае часов восемь утра. Я смогу вылететь дальше не раньше девяти — в Москве уже будет полдень. Если лететь, замечая следы, скажем, через Прагу, я попаду туда только поздно вечером. День пропадет. А прямых утренних рейсов из Лондона в Москву всегда как минимум три-четыре. Четыре часа лету, три часа разницы во времени — если повезет, сразу после обеда я буду на месте. А Бородавочник, конечно же, как обычно, отложит все другие дела, чтобы со мной встретиться.

Я вытянул из-под кресла подставку для ног и устроил поудобнее на шее надувную подушку. Еще одну текилу? Я выпил одну перед взлетом, одну за ужином плюс пару бокалов белого «Вьянса Витториа». Я летел «Дельтой», а на ее рейсах из патриотических соображений предлагаются исключительно калифорнийские вина. Правда, это конкретное оказалось неплохим. В последнее время я стал думать на большую тему: ну, сколько я пью. Когда

я дома, мне в принципе хватает пинты пива или пары бокалов вина в конце дня. Но стоит мне войти в свою вторую жизнь, метаболизм — вернее, стресс — начинает жадно требовать легковоспламеняющихся жидкостей. И как теперь поступить? А, мне лететь еще больше четырех часов! Я поискал глазами стюардессу, и она тут же с улыбкой направилась ко мне. В первом классе их учат ловить взгляды пассажиров и выполнять их малейшую прихоть. «Да, еще одну текилу, пожалуйста. Хотя... Несите сразу двойную».

Черт, Володя Мохов! Кто бы мог подумать? Вернулся ко мне призрак из 1999 года. Я вдруг отчетливо увидел его профиль, весь, от тонкого носа до покатога лба, устремленный к действию. Увидел его ходящие влево-вправо цепкие глаза под сведенными бровями, когда он в очередной раз пытался определить, валяли ли мы с Лешкой Кудиновым дурака или говорили серьезно. Странно, что по прошествии стольких лет Мохов всплыл вдруг в моей памяти так зримо — я ведь о нем за... Так, сколько? Уже двенадцать лет?! В общем, я вспоминал о нем едва ли пару раз.

Самое поганое для меня в этой ситуации — если можно пораскладывать по кучкам, что более, а что менее неприятное, — он ведь тогда спас мне жизнь. Я за него, как я только что сказал, каждый день не молюсь. Мало ли кто мне спасал жизнь или я кому-то? И так и так бывало. Все равно в наших с ним отношениях я был должником. Но тогда он мою жизнь спас, а теперь вот за ней вернулся. Жизнь, она ведь не только биологическая, ее можно отнять и не убивая. Какова вероятность того, что он вообще не сдаст меня новым хозяевам? Нулевая или близкая к нулю. Мохов переступил черту, и терять ему было нечего.

ВЕЛИКИЙ
ПОНЕДЕЛЬНИК

Когда-то я радовался, что изобрели мобильные телефоны. Благодаря этому, считал я, мое местонахождение установить невозможно. Сколько раз Джессика звонила мне на мой нью-йоркский соловый, думая, что я в Европе, а я на самом деле был в Азии или еще где-то. С моей женой этот номер проходит и до сих пор. Но со вчерашнего дня меня больше волновала не она.

Как мне объяснил когда-то давно мой лондонский друг Радж, у каждого мобильного — не у сим-карты, у самого телефона — есть свой индивидуальный IP-адрес, как у компьютера. Как только вы зарегистрировались в сети, не важно, в домашней или в роуминге, оператор мобильной связи может в любой момент определить, где ваш телефон находится. Вы поменяли сим-карту — но слежение производится и по IP-адресу. Вы вытащили из телефона аккумулятор — в телефоне есть еще один, маленький, который сохраняет ваши данные и настройки, пока вы, скажем, меняете основную батарею. Мобильник — это как маячок, который с тупой неукоснительностью сообщает ваши координаты, пока вы не уничтожите его физически, утопив в унитазе или положив под паровой коток.

Зная все это, я в аэропорту Кеннеди купил себе два новых одинаковых айфона. Почему два, а не один?

Как-то так получается, что на операции одного всегда мало. На один из приобретенных айфонов благодаря исключительной любезности продавца я за полчаса успел перекачать со своего старого телефона самые необходимые программы и данные. Потом при случае перегоню их и на второй. В этот новый, уже загруженный, мобильник я по прилете в Хитроу вставил английскую сим-карту, купленную пару лет назад на чужое имя. Я из всех стран привожу по местной симке, которой пользуюсь, когда снова туда приезжаю. Джессика, Бобби, Пэгги, Элис и другие близкие номер моего английского мобильного знают и, думая, что я в Лондоне, будут звонить мне по нему. Как они могут догадаться, что их звонок найдет меня в Москве? Так что лондонская сим-карта может спокойно ехать со мной куда угодно.

Однако, если ФБР уже следит за мной, оно знает, что я вылетел в Лондон, и может запросить у своих британских коллег данные о моем местонахождении, которые будет выдавать по IP-адресу мой американский сотовый. То есть этот телефон нужно обязательно оставить в Лондоне, причем в месте, не вызывающем подозрений. Риска здесь нет никакого — ну, разве что телефон украдут. Однако все, что на нем есть, скопировано на новый айфон. А взломать зашифрованные секретные сведения, перенесенные туда мной самостоятельно в специальной программе, будет непросто. При третьем неправильно набранном пароле программа их физически уничтожит, а потом и покончит с собой.

По всем эти причинам, сняв с портфеля свой чемоданчик, я подошел в бюро потерянных и найденных вещей и протянул служащему свой постоянный айфон с американской сим-картой.